

30 лет остеопатии в России

30 years of Osteopathy in Russia

Справка

Исторически сложилось так, что Санкт-Петербург стал местом рождения российской остеопатии.

В 1988 г. по инициативе одного из ведущих остеопатов США, директора Детского остеопатического центра в Сан-Диего, штат Калифорния, профессора Виолы Фрайман состоялась ее первая публичная лекция в Ленинградском НИИ ортопедии и травматологии им. Г.И. Турнера, директором которого в то время был выдающийся ученый — докт. мед. наук профессор В.Л. Андрианов. Вскоре после этого группа ленинградских врачей во главе с профессором В.Л. Андриановым и В.Г. Чокашвили по приглашению В. Фрайман посетила американский Остеопатический колледж (Помона, штат Калифорния) и Детский остеопатический центр (Ла-Хойя, штат Калифорния), чтобы получить более полное представление об остеопатии с научно-практической точки зрения.

В 1991 г. уже по приглашению В.Л. Андрианова профессор В. Фрайман провела свой первый семинар для русских врачей. Семинар проходил с 25 сентября по 8 октября в НИИ им. Г.И. Турнера в Пушкине.

Виола Фрайман

25 сентября 2021 г. исполняется ровно 30 лет с того дня, когда легендарная ученица Вильяма Гарнера Сазерленда Виола Фрайман провела первый семинар по остеопатии для русских врачей.

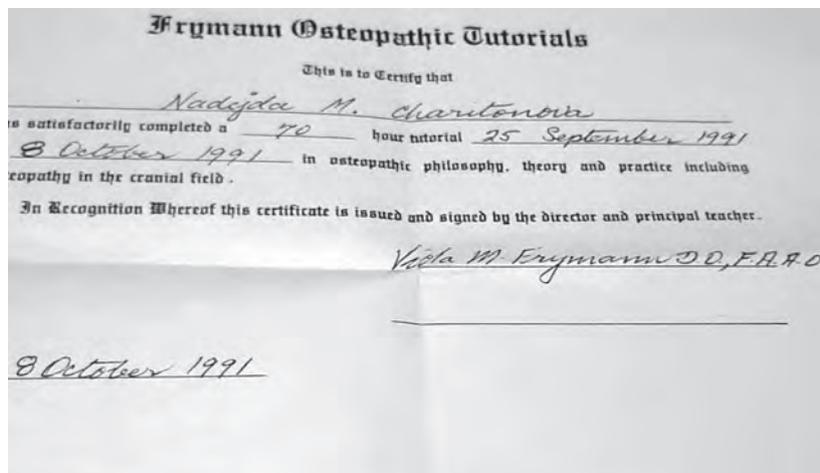

Надежда Михайловна Харитоновна

Мы встретились с Надеждой Михайловной Харитоновой, которая, будучи молодым врачом-педиатром, оказалась одной из тех, кому посчастливилось получить первые знания об остеопатии от Виолы Фрайман в 1991 г.

— Надежда Михайловна, в 1991 г. Вы стали участницей исторического события — первого семинара Виолы Фрайман. Как Вы узнали о нём?

— Прежде чем начать рассказ, я хотела бы сразу сказать, что это событие и вообще начало остеопатии в России не заслуга тех 20 врачей, которые пришли на семинар. Мы по большей части попали на него случайно, узнавая через знакомых. Мы не были гениальными, небожителями — обычные врачи, просто чуть более любопытные, чем другие. Главный человек в этой истории — Виола Фрайман, которая была безупречной во всем — и в том, как она несла звание остеопата, и в том, с какой смелостью и самоотверженностью она посвящала нас в неизвестный нам мир.

Каждый пришёл на семинар своей дорогой, я узнала о нём от своей знакомой, были и те, кто в 1990 г. были у В. Фрайман в Остеопатическом колледже в Сан-Диего, например Али Гиреевич Баиров. Мы были разные, среди нас были и неврологи, и педиатры, и травматологи, и хирурги. Время было сложное — подумайте только, 19 августа перестал существовать Советский Союз, 6 сентября Ленинград стал Санкт-Петербургом, а 25 сентября мы уже сидели в аудитории и слушали первую лекцию об остеопатии. Видимо, мы были тогда такими открытыми ко всему новому, что в таких условиях пошли учиться не раздумывая. Спасибо профессору Владимиру Леонидовичу Андрианову*, который организовал этот семинар. Это ещё один удивительный человек в истории нашей медицины, который опередил своё время и видел будущее там, где никто не видел.

— Если иметь в виду всё, что было сделано В. Фрайман, то в голове складывается портрет мощной личности, в которой кипит энергия. Но с фотографии на нас смотрит маленькая пожилая женщина, которую можно увидеть в метро или на улице. Какое первое впечатление произвела на Вас Фрайман?

— Она действительно была мощной личностью. Внешне в ней не было ничего грандиозного, обычная пожилая дама, скромная, собранная, подтянутая, безукоризненно одетая. Сейчас бы о ней сказали — «представитель старой школы». Но как только она начинала говорить, в её сдержанной интонации, в её строгой речи, в которой не было ни одного лишнего слова, чувствовались сила и благородство, за которыми хотелось идти, на которые хотелось равняться. И слово в её жизни значило очень много. Ведь Виола говорила необычно, она говорила притчами. Одно из самых знаменитых её высказываний о технике венозных синусов — «удержи, согрей и разведи». Что это значит? Каждый должен был прийти к ответу сам, пропустив это через себя. И это совершенно не похоже на советскую систему, в которой учебный материал растолковывали, чтобы понял каждый. В понимании Виолы, обучение — это трудности, которые необходимо пройти. Она была очень требовательна ко всему, что относится к профессии, но, вместе с тем, тактична, осторожна и невероятно терпелива.

— Откуда она брала силы? Как ей удавалось делать то, что она делала?

— Виола была верующим человеком. Кстати, эта форма общения — притчами — из Евангелия. Она подарила каждому из нас Евангелие для детей. И сама она жила аскетично, просто, в по-

* Владимир Леонидович Андрианов (1929–2013) — советский и российский детский хирург, доктор медицинских наук, профессор, главный детский ортопед РСФСР. С 1979 по 1994 г. возглавлял Ленинградский научно-исследовательский детский ортопедический институт им. Г.И. Турнера.

стоянном труде и считала, что главное в жизни — это любовь. Она даже проводила несколько экспериментов: просила нас пальпировать пациента с чувством любви и восторга, а потом с ненавистью и сравнить результат, чтобы на деле показать, как эмоциональная составляющая влияет на жизнь человека и на работу врача: в первом случае ткани были мягкими и податливыми, во втором — зажатыми, абсолютно глухими к прикосновениям. Она не только учила, но и воспитывала.

— **Всё-таки семинар длился всего две недели — не самый большой срок, чтобы овладеть остеопатией? Как были построены занятия? Как за такое короткое время можно было всё успеть?**

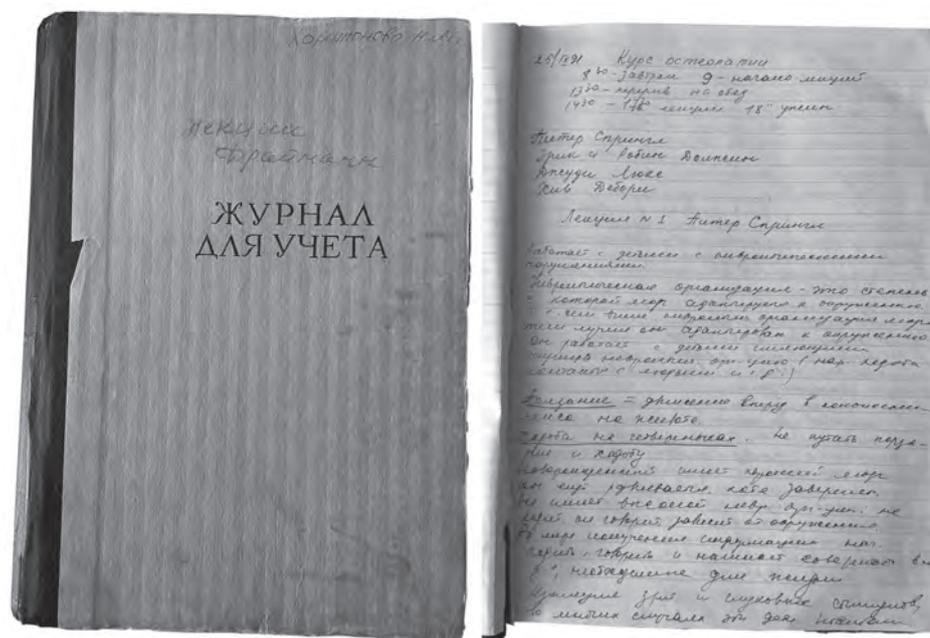
— Вы знаете, можно было бы рассматривать это как чудо, но это не чудо, это талант и прозорливость Виолы. Во-первых, она очень умело построила занятия. Утром мы изучали теорию и историю остеопатии, после обеда посвящали время практике и пальпации, вечером факультативные занятия. Виола придерживалась правила: человеку можно дать только ту информацию, которую он может воспринять в данный момент. Поэтому она показала только те техники, которые считала лёгкими и безопасными для работы в первое время — это пальпация черепа, пальпация крестца, техника венозных синусов, коррекция ребра, работа на лопатке (её любимая техника) и некоторые другие. И одновременно вместе с ними — огромный теоретический материал, которые мы должны были еще долго осваивать самостоятельно после семинара и, осваивая, практиковать, поэтому двумя неделями наше обучение, конечно, не ограничилось.

Во-вторых, это железная дисциплина. Виола сама была очень дисциплинированной и от нас требовала того же. В аудитории стояла абсолютная тишина, все разговоры пресекались, во время занятия говорить могла только она, вопросы мы задавали перед началом лекции утром — нельзя было терять ни минуты и отвлекаться ни на что, что казалось лишним. Она была прекрасным психологом и видя, как нам было трудно, внедряла новые знания, обязательно подкрепляя старыми, и постепенно наращивала информацию, поэтому при такой подаче материала мы чувствовали себя более уверенно.

В нашем распоряжении был большой зал в НИИ им. Г.И. Турнера, мы разбивались на пары и отрабатывали техники друг на друге. Никаких пособий, кроме учебника по анатомии, у нас не было, поэтому черепа, скелеты, макеты костей В. Фрайман и её ассистенты — Питер Спрингл, Эрик и Робин Должины, Джуди Левис и Хив Дебори — привезли из США. Ассистенты очень внимательно следили за правильностью выполнения техник. «Gently» — слово, которое чаще других звучало в аудитории, когда мы отрабатывали техники пальпации, что означало работать «аккуратно, нежно» — ощутить движение, но не действовать грубо.

Фото сделано А. Г. Баировым в 1991 г.
На фото — участники первого семинара
по остеопатии. В центре — В. Фрайман

— **Есть знаменитое выражение В. Фрайман — «чтобы научиться пальпировать, нужно пальпировать». Как это правило выглядело в жизни?**

— Да, пальпация — это то, чем мы занимались больше всего. Я уже говорила, что для Виолы обучение — это труд. Она всегда говорила нам: не ждите, что что-то придет легко, вы должны быть очень терпеливыми, чтобы научиться чему-то. Чтобы овладеть знаниями, нужно наработать стереотип лечения и диагностики. Это рутинно, но это азы, выполнять эту рутину нужно каждый день, иначе правильный навык потеряется. Я очень хорошо помню один эпизод. Молодой доктор выполнял пальпацию черепа, что заняло у него около минуты или двух. Он объявил, что закончил тестирование и начал перечислять, какие черепные дисфункции он наблюдал. Виола остановила его и сдержанно, но строго сказала: «Сазерленд всегда очень долго тестировал голову. Он сидел, отключившись от пациента, и следил только за тем, что происходит в его голове. Так и Вы — не торопитесь, имейте терпение». Виола не переносила поверхностности, она требовала полной самоотдачи.

— **Насколько я знаю, на практических занятиях Виола работала с реальными пациентами. Что это были за пациенты? Насколько тяжелым были их заболевания?**

— Это были дети с тяжёлыми заболеваниями — ДЦП, менингит, задержка психомоторного развития, последствия родовых травм, нарушение поведения. У многих уже после трёх сеансов наблюдали положительную динамику. Каждый день — от 2 до 4 человек.

С пациентами работала Виола, мы только наблюдали. Время от времени она вызывала одного из нас и ставила довольно простые задачи: «Поддержите, пожалуйста, пациента за голову, расскажите, что Вы чувствуете». Каждый такой приём — как отдельный семинар, с множеством практических уроков: мера — нужно оценивать резервы организма для восстановления и контролировать время лечения; целостность — никогда не рассматривать локальную дисфункцию в первую очередь или изолированно, идти только от глобального к локальному; система — составлять план лечения каждого пациента; работа с родителями — исцеление ребёнка невозможно без исцеления родителей (она имела в виду не столько физиологическую, сколько духовную составляющую); динамическое наблюдение — от остеопатии все ждут чуда, но чудеса если и встречаются, то крайне

редко, результат остеопатического лечения — это медленные изменения, которые не всегда видит непрофессионал, но которые должен увидеть врач.

Ещё я вспоминаю один очень интересный момент. Виола посвящала много времени работе с крестцом и с различными травмами (мы занимались в травматологическом стационаре, поэтому примеров было достаточно). По её словам, такое внимание к травмам связано с особенностями нашей страны. Она говорила: «У вас очень плохие дороги и своеобразный климат, поэтому к вам постоянно будут обращаться люди с травмами».

— С какими словами она отпускала Вас в свободное плавание?

— Ничего особенного. Она просто сказала: «А теперь работайте...». Не знаю, каково ей было оставлять двадцать в общем-то ещё несформировавшихся птенцов на продвижение остеопатии в такой огромной стране. Но повторю, она была очень смелой и очень терпеливой.

Самое главное не техники — Виола разрушила наш привычный мир и развивала остеопатическое мышление. И если вы спросите меня, что такое остеопатическое мышление, то я отвечу, что это взгляд на пациента, при котором недостаточно поставить диагноз, а важно понять, почему та или иная система организма перестала функционировать. Вы знаете, остеопатом не становятся в один момент, остеопат учится всю жизнь. Благодаря Виоле Фрайман остеопатия покорила меня своей простой отчетливой логикой. Остеопатия, которой она учила, жестко привязана к анатомии, никакой нематериальной витальности, все адаптировано к материальному врачебному клиническому мышлению. Я должна сказать, что со времени нашего семинара прошло уже 30 лет, но тетрадь, в которой я записывала лекции Виолы Фрайман, — до сих пор мое ежедневное чтение, я читаю то, что она говорила, и каждый раз открываю для себя что-то новое.